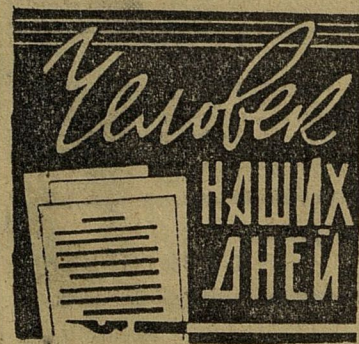

А К Т Р И С А

ИЗ ОЧЕРКОВ ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС

И ВНОВЬ вечер зажжет новым сиянием театральный подъезд. И вновь разойдутся тяжелые шторы занавеса. И вновь выйдет на сцену высокая статная женщина с величественно гордым, хранящим еще красоту молодости лицом, с орлиным разлетом бровей. Бабуца? Волумния? Леди Макбет? Эмилия? Или еще какая-то героиня из десятков, чьи жизни для Тамары Кариевой, как своя собственная? Более трех десятилетий — не работы, а жизни на сцене отданы актрисой щедро. И не безвозмездно: любовь зрителей, признание самой взыскательной критики, всеобщий почет и уважение, заслуженные высокие звания — вознаграждение актрисе Северо-Осетинского музыкально-драматического театра Тамаре Харитоновне Кариевой за ее подвижнический труд. Ибо жизнь настоящего актера — всегда подвижничество. А Тамара Кариева, как говаривали в старину театралы, — актриса милостью божией. И добавим мы — милостью собственной целеустремленности.

Еще не отзвучали в прессе хорошие лестные отзывы, доставшихся на долю Кариевой во время московских и ленинградских гастролей, идут в редакции газет взволнованные отклики зрителей... А мне вспоминается иное: высветленная временем фотография совсем юных энтузиастов, решивших нести свет культуры в глухие тогда селения Осетии.

не может скрыть счастливой юности лиц актеров злободневного агитационного коллектива. И хоть тридцать лет наложили сегодня свои печати на лица иных, мы безошибочно узнаем: Бало Тхапсаев, Володя Баллаев, Маша Кургосова, Тамара Кариева. Первые свои шаги в искусстве делали они не по паркету театральных фойе и не на гладких подмостках сцены, а по сельскому бездорожью, в наскоро приспособленных под клубы мечетях и церквях, в сельсоветах. Но это было уже приобщение к неотразимо влекущему культу Мельпомены.

Может быть, и не виделась Тамаре Кариевой в тех первых озорных куплетах и сатирических сценках будущая дорога жизни — она не была из числа тех, кто с детства мечтал о сцене. Но трудный и пестрый мир театра уже не отпустил ее.

Летом 1935 года Тамара стала ученицей студии, открытой при новорожденном осетинском театре. Е. Г. Маркова, первый наставник юной актрисы, педагог, которому Кариева обязана основами своей сценической биографии, свидетельствует: «В студии Тамара показала исключительную серьезность, требовательность к себе. Ключ к творческому процессу она искала в реальных жизненных наблюдениях, развивая в себе способности к самостоятельному мышлению и самоконтролю. Она твердо усвоила, что одной интуицией и увлеченностью сценический образ, как правило, не создается».

И с самых первых шагов на сцене профессионального театра Тамара охотнее всего играла героинь умных, волевых, способных к активному действию. Видно, оттого, что ей, выросшей уже при Советской власти горян-

ке, натуре незаурядной ближе всего был образ женщины, в борьбе обретающей свободу и независимость. Даже играя персонажи отрицательные, Кариева всегда создает образ сильной, волевой, твердо знающей, чего она хочет, героини.

От роли к роли все четче определялись возможности молодой актрисы, формировалась ее чрезвычайно определенная и, безусловно, сильная актерская индивидуальность. И что характерно: Т. Кариева чувствует себя уверенно в любом национальном характере — родном ли осетинском, русском или каком-нибудь другом.

Непринужденность сценического самочувствия, столь свойственная сегодня актрисе, рождалась, конечно, не сразу. В Тхап-

саев, вспоминая сегодня первую свою «Дездемону», улыбается: бывало, столько усилий тратила молодая актриса, входя в роль, что руки Отелло оказывались... в синяках от прикосновений Дездемоны. Однако в памяти его она осталась очень умной, решительной и смелой Дездемоной.

В ролях разноплановых формировался талант сегодняшней трагической актрисы большого душевного диапазона. И все же по-особому органично входили в ее творческую биографию роли осетинских женщин. И первой значительной была работа над образом Фатимы в одноименной пьесе Д. Туаева. Кариева создала чистый и строгий образ осетинской девушки, внеся в него

свойственный ей драматизм. Страстным протестом против угнетения была пронизана у актрисы роль Ханьсит в спектакле «Две сестры». Здесь, пожалуй, впервые молодая актриса сумела подняться к вершинам трагедийного характера.

По всеобщему признанию, одной из значительных работ Кариевой в осетинском репертуаре была роль Марико в драме «Мать сирот». Облик внешне благопристойной женщины скрывал натуру хищную, бессердечную, Крайне скупыми средствами актриса создала цельный, убедительный характер.

Сравнительно недавно Кариева вновь заставила говорить о себе, сыграв главную роль в пьесе Р. Хубековой «Черная девушка» — роль женщины, уже преклонных лет, постигающей суть новой жизни, с трудом разрывая клейкую паутину вековых адатов.

Уже по этим нескольким примерам очевидно, что образы, создаваемые Кариевой, — при том, что роднит их волевая жизненная целеустремленность — отнюдь не похожи один на другой. Хотя, разумеется, как у всякого художника, не все и не всегда было гладко на дороге ее творчества.

Образы, созданные Т. Кариевой, явно характерны... «лица не общим выраженьем». И это обнаружится еще четче, если мы мысленно устроим «выставку» портретов ее героинь, вспомнив, как облекались они в плоть и кровь актрисой.

Шекспир. Великая школа, великий экзамен и великая радость для каждого артиста. Первая встреча — роль Дездемоны — особой удачей не стала для актрисы. Ее деятельной натуре трудно было вжиться в хрупкий образ героини. Позже Кариева нашла свое настоящее место в спектакле, сыграв Эмилию — мужественную, чистую сердцем, страстную и непосредственную, подлинное дитя эпохи Возрождения. Эта Эмилия, в полном согласии с Шекспиром, философски осмысливает жизнь. Она обожает Дездемону, как олицетворение чистоты и женской гордости — идеала, по которому сама тоскует (что выплеснется в ее послед-

нем монологе). И она прежде всего не может смириться с мыслью, что женщину можно почитать за вещь. Трагедия ее Эмилии — тоже трагедия обманутого доверия.

Этот образ — по-прежнему одна из самых высоких вершин творчества актрисы.

И вот другой шекспировский образ. Зловеще змеящая пластичность дородной фигуры. Лыбистый невидящий взгляд, поначалу ласливый, потом уничтожающе презрительный голос. Регана, дочь короля Лира. Коварство и неистовая злая сила, этими красками создан актрисой образ.

И совсем иная — леди Макбет, тоже по существу фурия зла. Но эту сокрушает содеянное ею злодейство. Процесс разрушения личности, к которому ведет совершенное преступление, — вот что рисует здесь прежде всего актриса.

Еще один, значительный и самый свежий шекспировский штрих в биографии Тамары Кариевой — роль Волумнии — матери блестящего полководца и себялюбца Кориолана. Строгая римлянка, гордая патрицианка, масштабная, отмеченная печатью трагизма матрона. Мать, воспитавшая сына в своей вере гордости и честолюбия, нежившаяся в лучах его славы, сама же, пожиная плоды своего воспитания, вынуждена обречь его на смерть. Ибо, если ее сын — изменник разрушит Рим, то навеки погибнет и честь рода Марциев!

В спектакле «Кориолан» Кариева создает образ большого трагического напряжения.

Было бы, наверное, непосильной задачей рассказать не обо всех даже, а хотя бы только о самых значительных образах, созданных Тамарой Кариевой. Попробуем просто вспомнить их.

Юная, ждущая от жизни чудес, сломанная в расцвете сил темным царством Катерина («Гроза»). Строго-целомудренная, страстная донна Анна («Каменный гость»). Женщина прекрасной светлой души и трагической судьбы Кручинина («Без вины виноватые»). Гордая непреклонная Рашель («Васса Железнова»). Умный, злобный враг, циничная и жестокая, по-

хожая на пантеру Панова («Любовь Яровая»). Изящная, просвещенная леди, по нутру убежденная расистка Алиса («Глубокие корни»). Святоша и ханжа игуменья Меланья («Егор Булычов и другие»). Поглощенная жаждой наживы кулачка Прасковья Филипповна («Деньги»). Совершенное выражение осетинского национального драматического характера, полная чувства собственного достоинства и внутренней силы Госама («Хасана»). Один из любимейших образов актрисы — человек властной, бесконечно богатой души — Бабушка («Деревья умирают стоя»).

Горестная и мудрая, как мать — земля, Толгонай («Материнское поле»).

Какой мерой измерить труд, стоящий за этим перечнем имен? Нет такой меры, ибо эквивалент его мозг, нервы, само существо актрисы. Е. Г. Маркова пишет о Т. Х. Кариевой: «Зрелый мастер сцены, советская актриса, женщина, сама прожившая большую содержательную жизнь, она умеет анализировать каждую свою работу, проверяя ее логикой самой жизни. И нередко в ее рассказах о своем творчестве звучат ноты законной гордости, когда она вспоминает те образы, где ей удалось раскрыть нечто большее, чем представлялось при чтении пьесы. Работу актрисы можно сравнить с работой скульптора, высекающего резцом точные очертания портрета из каменной глыбы. Она шла путем творца, первооткрывателя, создавая новую человеческую жизнь, хотя бы и в сценическом времени и пространстве».

Тамара Харитоновна Кариева — человек права неспокойного, кипучей энергии. Она пробует свои силы в драматургии, в режиссуре (поставленная ею оперетта «Жених сбежал» пользуется завидным успехом у зрителей). Наконец, она — деятельный председатель Северо-Осетинского отделения Всесоюзного театрального общества.

Но прежде всего она — актриса. Женщина интересной судьбы, прошедшая путь «от артиста из народа до народного артиста», путь, ведущий к вершинам мастерства.

Н. ДАНИЛОВА.

